

**Юрий Иосифович
Коваль
(1938 – 1995)**

Детство

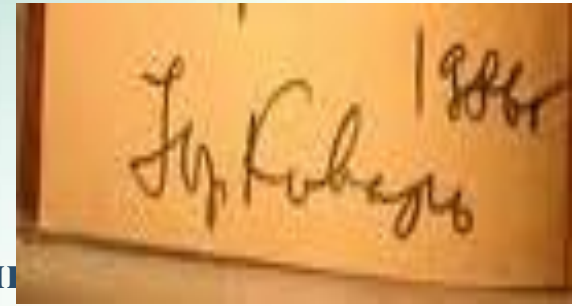

« ...Я родился 9 февраля 38-го года в семье работника милиции Иосифа Яковлевича Коваля. Он был из крупных чинов милиции. И когда я родился, он был начальником уголовного розыска города Курска, впоследствии он работал в уголовном розыске Москвы, во время войны уже, в отделе по борьбе с бандитизмом, на Петровке. И потом был назначен начальником уголовного розыска Московской области во время войны же. Отец всю войну прошел в Москве, тем не менее был многократно ранен и прострелен.

Моя мама — врач-психиатр, она ученица одного из крупнейших — кажется, даже самого Ганнушкина. Ей было уже к моменту моего рождения тридцать лет. То есть я был для нее поздний ребенок, уже был Боря¹ рождения 30-го года. Мама была главным врачом психиатрической больницы в Поливанове. Это неподалеку, небольшая психиатрическая больница под Москвой. И в детстве (мое детство довоенное) год, два, три я провел именно в Поливанове.

...Там была комната, в которой мы жили. Потом мне ее показывали, я уже в более взрослом состоянии туда приехал как-то с Борей, и моя тетя Саша вспоминала, что я всегда жаловался, и, когда говорили: Поедем в Поливаново, — я плакал ужасно и говорил: Не поеду в Поливаново, там холодно и тараканы... Вот это семья...
Дальше началась война...»

(Из воспоминаний Ю.Коваля)

«...1945 -й год — школа. 657-я школа на улице Чаплыгина»

На меня, конечно, огромное влияние оказал Владимир Николаевич Протопопов, как мне кажется — величайший из учителей, умеющий находить совершенно неординарные подходы к делу, к любой теме. ...

... Неординарность мышления, неординарный подход к делу, огромная ласка по отношению ко мне (все-таки я понимал, что это величина, а не просто так), особая, как мне кажется, любовь ко мне, но это, может быть, и другие так понимали... И главное, ты знаешь что — утверждение того, что я личность. Обычно все говорили: Коваль — двоечник... А этот никогда так не говорил, я был для него один из выдающихся... людей... мира...»

(Из воспоминаний Ю.Ковалья)

На всех уроках будущий писатель и его ближайшие друзья писали стихи, а классе в восьмом они даже образовали тайный союз поэтов, чем изрядно взволновали родителей.

Учёба в МГПИ им. Ленина

В 1955 году Юрий Коваль поступил в Педагогический институт, где с первых дней учёбы прослыл незаурядной личностью. Круг его интересов был удивительно широк: он занимался прозой Зощенко, рисовал в изостудии, пел и играл на пианино, банджо, гитаре, сочинял стихи и прозу для институтской газеты, играл в настольный теннис и ходил в походы... Всякое было в те годы: и прогулы лекций, и споры до хрипоты, и разработанная Ковалём остроумная система подготовки к экзаменам по литературе: он приглашал девушек в кино и театр на постановки произведений, которые не успел прочесть.

Годы учения в институте можно смело назвать лицейскими, решающими в формировании будущего писателя. Это был золотой век Пединститута, преподавательский состав в те годы сложился блестящий и студенты ему соответствовали: с Юрием Ковалём учились ставшие известными всей стране барды Юрий Визбор, Юлий Ким и Ада Якушева, поэт Юрий Ряшенцев, театральный режиссёр Пётр Фоменко и многие другие. Большую часть времени они проводили в институте, дневали и ночевали там порой в прямом смысле слова, а частые туристические походы помогали не расставаться.

shutterstock · 49813915

Первые рассказы Коваля "Зайцы» и "Дождь" были опубликованы в институтской газете "Ленинец" в 1956 году, причём за них автору даже была присуждена премия в размере 50 рублей.

Начало литературной деятельности

«... Сразу после института я был послан в село Емельяново Татарской АССР по распределению... Это, значит, село Емельяново Лаишевского района...

... Там я работал в школе и был преподавателем самых разных предметов. Самых разных — география, история, русский, литература, пение и все такое.

... Там было несколько учителей, но учителей пятого-шестого-седьмого классов не хватало. Я зарабатывал бог знает сколько по тем временам. Здорово зарабатывал, надо сказать

... Первыми моими рассказами были тексты диктантов ...:

На полу сиделамышь.

Вдруг вбегает грозный муж

И, схватив огромный нож,

К мыши он ползет, как уж.

... Это на правописание шипящих был диктант. Но это все были такие шутки и чепуха, это нельзя считать ничем серьезным, я никогда к этому серьезно и не относился. Это было просто легкое хулиганство по поводу правописания шипящих. Вот и все...

По возвращении из Татарии я написал несколько рассказов. И уже там написал.

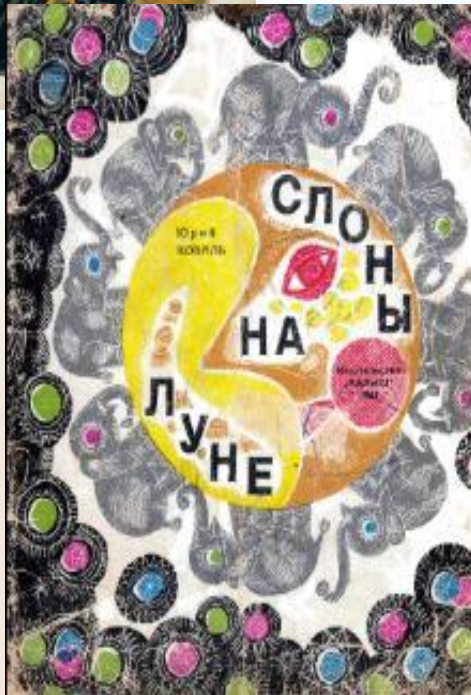
... Я отработал там срок и вернулся в Москву.»

(Из воспоминаний Ю.Ковалея)

 Село Емельяново Лайшевского района. 1962 год.

Вернувшись из Татарии, Юрий Коваль несколько лет работал учителем в школе рабочей молодежи №114, литсотрудником в журнале *«Детская литература»*, иногда печатаясь вместе с однокурсником Леонидом Мезиновым под псевдонимом *Фим и Ам Курилкины*, а в 1966 году навсегда ушёл «на вольные хлеба».

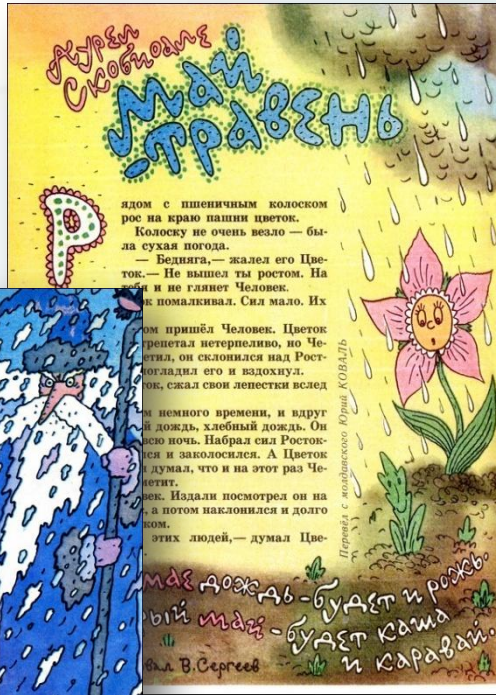
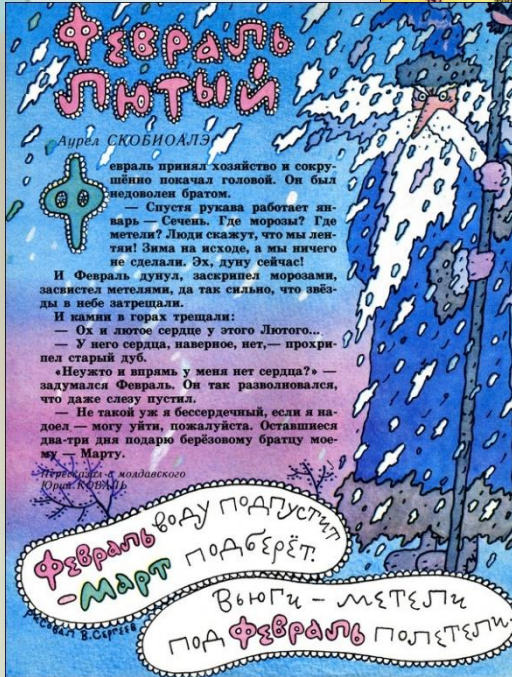
В те годы в издательстве *«Малыш»* были опубликованы первые книжки Коваля: сборники стихов *«Станция Лось»* (1967) и *«Слоны на Луне»* (1969).

В 1968 году Коваль получил от журнала «Мурзилка» командировку к пограничникам, впечатления от которой легли в основу повести «Алый» и рассказов «Козырёк», «Особое задание», «Елец» и «Белая лошадь». Как вспоминал сам писатель, во время написания «Алого» он «поймал прозу за хвост»: «Я наконец написал такую вещь, когда я определился и можно было сказать — это написал писатель Коваль».

Юрий Коваль долго и плодотворно сотрудничал с детским журналом «Мурзилка» (в качестве автора и переводчика).

Мурзилка

Ореховевна

Юрий КОВАЛЬ

Идали этот дом мне оказался серебриным. Подойдя поближе — и серебро стало старым-старым дубом. Солнце и ветер, снега и дожди посеребрили деревянные стены, крышу и забор.

За забором жилая среди куст старушка и покрикивала: — Цыба-цыба-цыба... Тока-тока-тока... — Хорошо-то как у вас, — сказала я, остановившись у забора.

— Что тут хорошего, андеш мой? — сразу отозвалась старушка. — Лес да комары.

— Дом красивый, серебриный.

— Это когда-то си был красивым, сто лет назад.

— Неужели сто? А вам тогда сколько лет?

— И не знаю, андеш мой, не считаю. Но ста-то, верно, лету. Да ты заходи, посиди на стульчике, отдохни.

Я вошла в калитку. Мне понравилось, как старушка назвала меня — "андеш мой". Она тем временем выгнала на улицу и точно не ступ, а стульчик, усадила меня, а сама не просила.

Она то спускалась в сад, к курам, то подходила к забору и глядела вдаль, то возвращалась ко мне.

19

Рис. Е. ПОДКОЛЗИНА

Стало как-то не по себе. Я и раньше спалхал про чёрные блики, но думал, это так — болтовня.

Отдрогнулся.

Чёрный влох было немного. Они стояли поодаль друг от друга и все-таки окружали меня кольцом.

Тут стало совсем непонятно, что блики колум, а я — в середине.

— Окружат, — подумал я. — Сейчас двинутся, и мне — конец!

Но блики не двинулись. И ничто не двинулось, не шевельнулось в глубоким зимнем лесу.

Тронул, а чёрную ветку, и тут же обрушилась на меня с махуши снежная лавина, завалила снегом, снег набился за воротник.

— Ладно, ладно, — сказала я. — Не буду я вас трогать, не буду.

В руке у меня остались три еловых иголочки. Они были чёрные как уголь, а пахло от них обычной зеленой смолой. Я спрятал их в синичный коробок.

Присел на пенёк, посмотрел.

Лес был завален снегом, но здесь, в черноволнике, было особенно темно. Совсем мало дневного света проникало в эту глухомань, а блики сбегали в себя свет, прятали под ветки, прижимали к стволам.

— Ну вот, — сказал я Ореховевне, вернувшись домой. — Вышли чёрные блики. Три еловых иголочки принес.

— А Дедку-то видел?

— Какого Дедку?

— Ну как же. Там, в глубине леса, стоит колдоем чёрных бликов, а посредине Чёрный Дедко сидит. Там прячутся самые чёрные силы, таятся под влохами. Как же ты Дедку-то не видел?

— И не знаю как.

— Да да влошки. На пеньке не Дедко ли сидел?

— На пеньке я сам сидел.

— Ну-ну, — сказала Ореховевна и внимательно оглядела меня, — ты вроде попал на Дедку. Только колду у тебя тамекает. Склетри уик — не слышь ничего.

— Да что ты, что ты, — заволновался я. — Не буду.

— Тогда брось эти иголочки в огонь. Я достал чёрные еловые иголочки и бросил их в пеньку. Они обгорели, аслынули и стогрели.

Разбойник

С морозом пробежался через порог, облетел с гор реки Вилы.

На одном пороге Виле мелося савител, на другом — рокомет, а на пороге Разбойник ревет, бытиса по каменным ямам, порогоромазанное русло.

Даже в узеньких коридорах не оставил они между собой, и перерезая жареная шапка, коварное обрубание кездерков, долго окатается между камней. То, облетевшая рекой, топчется на мекте, то паркет, то выстрелывает из ямы, вытолкнутая гулами каменным плещом. Казно перекрывают друг другу до тех пор, пока не выкупают из шапки все орехи.

Не сосчитать камней, перетопавших русло, — тут, чёрный, стоят по грядке, тол, уютный сетью багровых жел, высовывают из тени свои десны, тол, синий, выставляет из воды урюк-линый горб.

Я кошу по берегу Вилы, заколдуваю узкую под синий горб, за багровые плечи, и никак не могу угадать, кто же тут главный, где же замыан этой каменной шапки.

А ни дожид створце, выше носек по течению, летает на берегу, только не присутствует в воду. Приноминается, не плавает ли на лице человека, присутствующая к реку бурюком, приславывается, как работает его шапка, терзания Вилы.

Камень Атаман — это огромная голова, с одной стороны лысье, с другой — медведка.

Когда я промочу мимо, Атаман старается отвернуться, но даже шельнуться не может тяжёлой башкой. И шажусь на камень, закурюю, слыжу как звенит халку, а он незаметно журдится и морщит.

Бурья втиса в кругим белым шаром на груди прилетела над рекой и усадил на самый лоб Атамана. Это была олежка.

Она загнула в каменной медведки глаз и доминетом прыснула, бурно вытолкнула хозяина тайги. Попом пробежался по лесной табе, загнута и в лозный глаз и сылая прыскала. Атаман равнодушно дремал.

Юрий КОВАЛЬ

Пантелеевы Лепёшки

Прошлую ночь нечелами я у деду Пантелея.

Давно, лет пятьдесят назад, срубил он в таёге дом и живёт в нём один.

Добрался мы до Пантелея поздно ночью. Он обвордовал гостем, поставил самовар.

Долго мы сидели за столом, разговаривали, пели песни. Пантелей больше молчал и всё вглядывалось, какне они, гордоские-то люди. Чудным казался ему наш разговор и песни, привязанные к города. Сана песни повременяла ему: «На улице дождь, дождь».

Утром мы встали пораньше, затеяно, а дед уже поднялся. Я заговорил с нему за перегородку. Там на столе горела свеча, и при свете её дедушка Пантелей лепил тесто. Видно, собрался печь хлеб.

Вошло солнце. Мы стали собираться в дорогу и на прощаньи спросил фотографировать Пантелея.

— Вы, дедушка, снимите шапку — чего в шапке фотографироваться.

Зачем же снимать! Она ведь голову греет.

— Ну ладно, тогда возьмите в руки сест, будто вы её чините.

Шапку Пантелей снимать не стал, а сест взял в руки, покачал головой и улыбаясь, затеял городского человека.

Потом он сошёл в дом и вынес что-то завернутое в тряпицу. Свёрток был горочий. Я развернул его и увидел тонкие лепёшки из ржаной муки.

«Вошки», — сказал Пантелей. — На дорожку.

Когда мы перевалили гору Чувал и остановились передохнуть, я достал из вонюшка Пантелеевых лепёшек. Они высохли и покрошились. Мы стали есть их, размачивая в ручьёк.

Не соли, ни сахара не было в Пантелеевых лепёшках. Они были пресными как вода.

Я удивлялся: что за странные лепёшки, почему в них нет вкуса. Потом понял, что вкус есть, только уж очень простой. Такие лепёшки можно есть уверенно, испечь только одинокий старик, живущий в тайге.

Юрий КОВАЛЬ

14

При жизни Коваля было опубликовано около тридцати его книг, в основном детских. Наиболее известные из них :

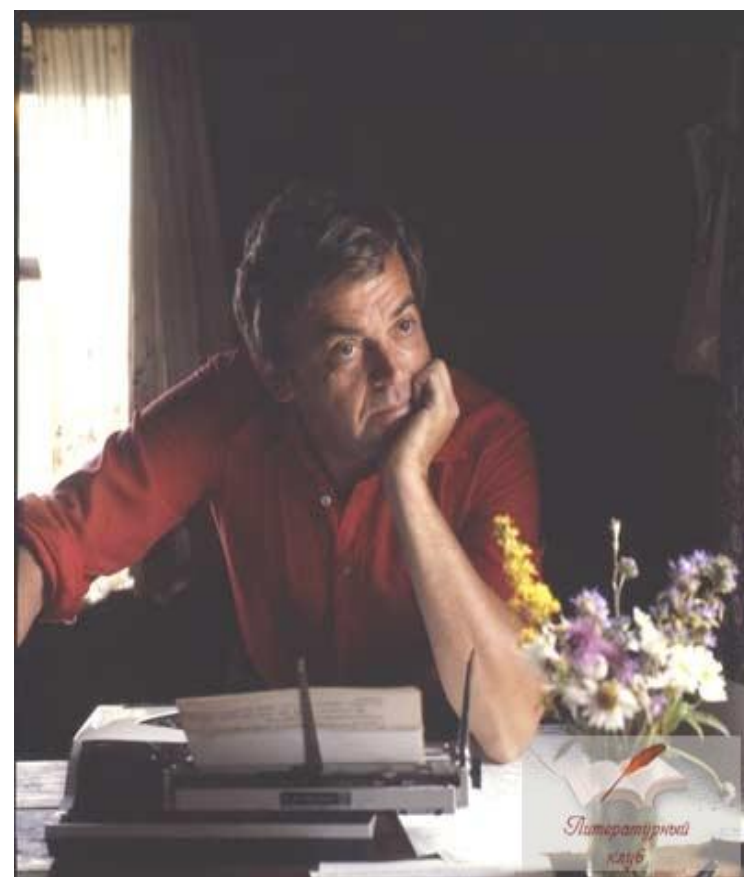
«Приключения Васи Куролесова» (1971),

«Кепка с карасями» (1974),

«Недopesок» (1975),

«Пять похищенных монахов» (1977),

«Полынные сказки» (1987).

Ю.И.Коваль был удостоен

следующих наград:

- диплома А. Гайдара (1983),

- почетного диплома IBBY –

**Международного совета по детской и
юношеской литературе (1986, за книгу**

«Самая легкая лодка в мире»),

**-дважды был лауреатом Всесоюзного
конкурса на лучшее произведение для
детей (1972, 1987г.),**

**-премии «Странник» Международного
конгресса писателей-фантастов (за
роман « Суер-Выер» посмертно).**

Юрий Коваль умер в своём доме в Москве от обширного инфаркта. 2 августа 1995 года . Похоронен в Москве на Лианозовском кладбище рядом с родителями.

В 2008 году редакция журнала «Мурзилка» учредила ежегодную премию имени Юрия Коваля за лучшее литературное произведение для детей (её итоги подводятся в день рождения писателя).

Произведения Коваля переведены на английский, немецкий, французский, итальянский, польский, венгерский, голландский, шведский, финский, болгарский, норвежский, датский, японский и китайский языки.

«Коваль любил петь, и он пел как фавн, его пение поражало всех, но Коваль не был певцом, он был художником-изобретателем: живопись, графика, керамика по металлу, — он делал невероятно красивые религиозные росписи горячей эмалью, он любил лепить. Но его узкой специальностью, которую он любил менее всего, была литература, и она была самая талантливая. Так кто же он был — певец, скульптор, художник, писатель? Он был гений...»

(Владимир Лемпорт)

«Место встречи изменить нельзя»

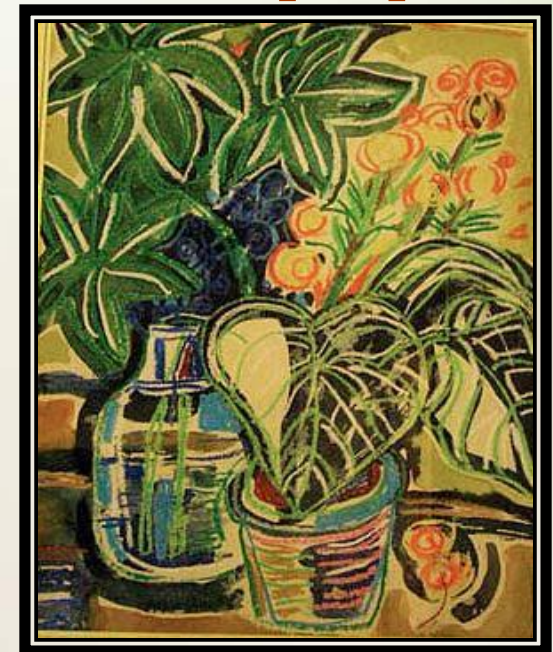
«Зима в Серебряническом
переулке»

«Крутицкий переулочек»

«Натюрморт»

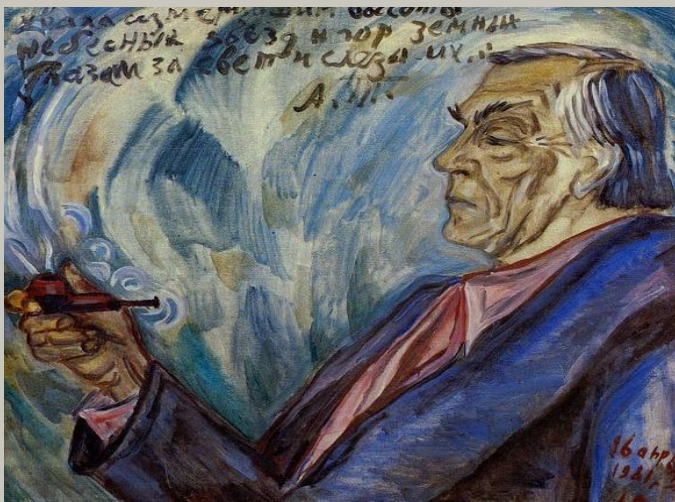

«Чайник»

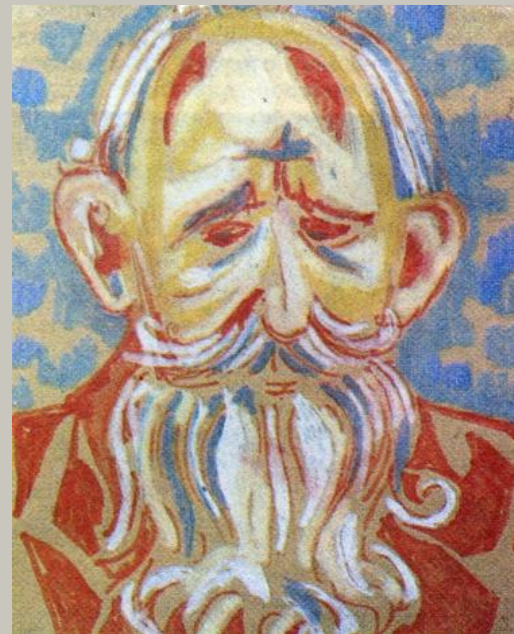
«Меня не любит чайник»

«Крутицкий переулочек»

«Б. В. Шергин»

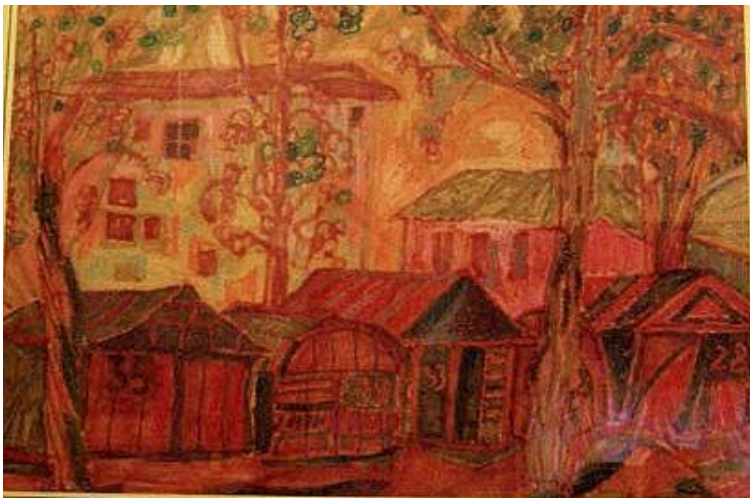

«А. А. Тарковский»

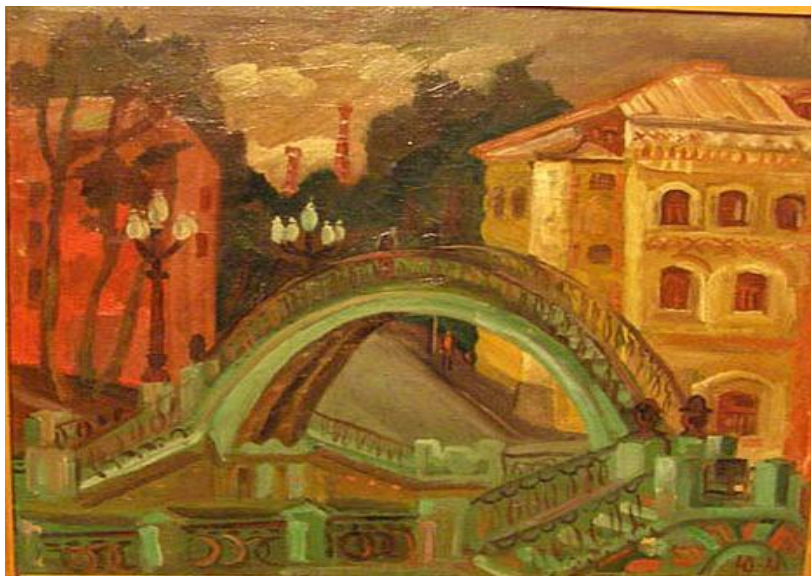

«Птичий рынок»

«Гаражи в Марьиной роще»

« Москва» 1970г.

**«Тетеринские бани»
(дерево, позолота,
обратный рельеф)**

**Манускрипты
Ю. Коваля.**

**Портрет писателя
Б. Шергина
(дерево, масло)**

«Я думаю, что лучшими людьми, которых я встречал, были, конечно, художники... Иисус говорил, праведники — соль земли. Я, конечно, не смею поправлять Матфея, великого автора великого произведения, но так от себя бы добавил: художники и праведники — это соль земли».

Ю. Коваль